

Часть II. Аскетизм и монашество в Персии

1.2. Глава 4. Развитие монашеского движения в V веке

1. Главные действующие лица

а. Йоханнан из Кашкара

По всем признакам, одним из наиболее выдающихся монахов в этот период был Йоханнан из Кашкара, память которого Церковь празднует 1 октября. В труде Ишо‘днаха, если не учитывать цикл, посвящённый Авгену, упоминается лишь несколько знаменитых людей, живших до Авраама из Кашкара, и к их числу принадлежит Йоханнан. В хрониках о нём говорится как о современнике католикоса Дадишо‘. Хотя его биография не сохранилась, её, по-видимому, использовали некоторые из известных нам авторов. Вместе с тем, бóльшая часть дошедшего от неё материала не имеет практически никакой исторической ценности.

Как сообщает Ишо‘днах, Йоханнан происходил из семьи, жившей в Кашкаре. Он вступил в монастырь, который отождествляют с монастырём, впоследствии восстановленным Мар ‘Анином, и пребывал в нём в течение какого-то времени. Его последующая жизнь, однако, остаётся почти неизвестной — лишь изредка о нём упоминается в источниках, причём даже в этих упоминаниях сведения о нём очень неясные.

Существовавшая легенда о его чудесном перенесении в долину Скита — если допустить, что в ней есть какие-то частицы правды, — может означать, что Йоханнан посетил Египет и там познакомился с монашеской жизнью. Позже он находился в монастыре ‘Айн-Декла, расположенном на горе ’Урук в Бет Гармай. О достижениях Йоханнана, прежде всего о его исключительных постах и о славе, которую он стяжал благодаря своей борьбе с демонами, говорится лишь в самых общих словах. Распространению славы о нём, по-видимому, способствовали и его визионерские способности. Есть некоторые намёки, указывающие на то, что он мог быть основателем собственного монастыря, в котором он с глубоким смирением служил церковным ризничим. Сообщается, что там же, у алтаря, он нашёл и место последнего упокоения.

б. Йаздин

О другом знаменитом монахе, Мар Йаздине, мы можем узнать из дошедшей до нас его биографии. Она написана простым языком, лишённым каких-либо украшений легендарного характера, и с удивительным спокойствием передаёт основные сведения о его происхождении и жизни. Эта биография похожа на страницу, вырванную из некой хроники и получившую самостоятельную жизнь.

Йаздин принадлежал к выдающейся семье маздеистов в районе Белашфара, расположенном у реки Холван, в деревне Давин. Отец Йаздина желал, чтобы тот уже в юные годы освоил учение маздеизма, и для этой цели

он отдал сына учителю. Интересы юноши, однако, были направлены к святым местам, которые посещали христиане, его привлекало христианское богослужение и содержание священных книг христианской религии. Когда его решение стать христианином созрело, он обнаружил, что никто не осмеливается преподать ему крещение. Тогда он оставил дом своих родителей и направился в Бет Гармай; там он нашёл пристанище в монастыре Бет Сахде в Карка д Бет Селок. Некий Йоханнан, бывший в то время настоятелем монастыря, позаботился о его духовных нуждах. В этом монастыре он был научен и крещён, там он начал постигать монашеский образ жизни.

В течение долгого времени — его биограф говорит о 32 годах — он жил в этом монастыре. Этот период его жизни никак не отражён в биографии, так что мы не можем составить себе представление о том, какой образ жизни он вёл и чем занимался.

Биограф возобновляет свой рассказ о его жизни с того момента, как Йаздин принимает решение вернуться в свою родную деревню. К этому времени его родители уже умерли, однако он обнаружил там своего брата Дадгушнаспа, которого ему удалось обратить в христианскую веру. Йаздин построил в горах рядом с деревней Давин келью (о месторасположении арабские источники сообщают, что деревня Дуна лежит между Хамаданом и Динаваром).

Биограф более-менее подробно говорит лишь о том периоде — всего около 14 лет, — который Йаздин провёл на родине. Именно здесь оформились строгие монашеские правила Йаздина. Он стал известен во всех областях Белашфара, где имелись христианские общины. Его слава расходилась широко и достигала даже далёких провинций. Вместе с тем, как сообщает наш источник, это не было результатом какой-либо миссионерской деятельности с его стороны, но было, скорее, связано с его репутацией экзорциста и чудотворца. Учеником Йаздина стал один из сыновей его обращённого брата по имени Петион, которому суждено было превзойти своего учителя. Умер Йаздин 21 илула (сентября), однако год его смерти традиция не сохранила. Имеются сомнения и в достоверности даты его смерти.

с. Петион

Выше мы упомянули, что Петион был сыном брата Йаздина и что Петион обучил его и сделал своим учеником. Петион оставался со своим наставником до его смерти, после же этого он далеко превзошёл его в деле прославления монашеского движения. Петион принадлежит к числу тех немногих знаменитых людей, живших до Авраама из Кашкары, которых упоминает Ишо‘днах. Слава его должна была быть огромной, поскольку его считали “главой *nazrāyē*”.

В связи с этим неудивительно, что сохранился серьёзный интерес к его жизни. До нас дошли фрагменты его актов, однако, к сожалению, не в первоначальном виде. Те немногие подлинные сведения, которые в них

сохранились, погребены среди пространных диалогов и историй, испорченных легендами. Тем не менее, даже этот переработанный текст оставляет впечатление, что в его первоначальном виде содержащиеся в нём сведения недалеко отстояли от самих описываемых событий. Таким образом, есть лишь очень немного исторических данных, которые заслуживают нашего внимания, причём даже они позволяют лишь в общих чертах узнать о деятельности Петиона — мы можем с уверенностью опираться только на небольшое количество доступного материала.

Смерть наставника, по всей видимости, расширила область его деятельности. Какое-то время он продолжал заниматься тем же, что он делал вместе со своим учителем, однако уже тогда его стали привлекать и другие виды деятельности. Он почувствовал тягу к активному миссионерству — мы опять сталкиваемся с синтезом аскетизма и идеи странствующего апостольства.

Лишь некоторые из миссионерских путешествий Петиона описаны, причём раздел с их описанием, представляющий собой источник первостепенной важности, присутствует в различных редакциях текста. Сообщается, что его труды привели его в Бет Дарайе и Бет Кусайе, то есть в провинции Вавилонии и в Майшан.

Далее текст сообщает о перерыве в деятельности Петиона. Мы узнаём, что он вернулся в свою келью в деревне Давин, освящённую воспоминаниями о наставнике, и в одиночестве возобновил свои монашеские труды. Этот перерыв оказался лишь временным — его беспокойный дух и его тяга к миссионерству помогли ему отправиться в новое миссионерское путешествие. Затем мы видим Петиона в области Бет Мадаёе, которая стала для него местом новых достижений.

Нелегко ответить на вопрос, основывал ли Петион монастыри. Этот вопрос возникает из-за того, что нам известны монастыри, носившие его имя. Один из них находился в Багдаде, другой — в Баладе на Тигре. Однако эти монастыри, безусловно, не были им основаны — скорее, они были созданы позже в его память. Такой вывод можно сделать на основании молчания его биографии, Ишо‘днаха и литургической традиции, которая прославляет его как “мученика и отшельника”.

Петион пал жертвой гонений, которые начались при Йездигерде II. Он дал последние показания 25 числа второго тешри (октября) 447 года. Обстоятельства судебного процесса над ним свидетельствуют о том, что его слава достигла даже высших чиновников. Тот факт, что великий мобад должен был заменить чиновника, ответственного за дело Петиона до момента его казни, показывает, сколь непростым его дело стало для властей.

d. Сава Гушназдад

Наши сведения о Гушназдаде опираются на его житие. К сожалению, оно не сохранилось в своём первоначальном виде — дошедший до нас текст содержит переработку, датированную не раньше 628 года. Вместе с тем, по

некоторым признакам первоначальная форма этого жития не полностью погребена под добавленными легендарными деталями.

Дом Гушназдада также находился в местности Белашфар, в деревне Бет Галлаيه. Его семья принадлежала к иранской аристократии, и его отец желал дать своему сыну образование в духе маздеизма. Это, однако, осталось в его мечтах, поскольку он не мог следить за образованием своего сына — он был назначен на важный пост в Бет Дарайе, где вскоре и умер. Таким образом, образованием сына занималась мать, которая благосклонно относилась к христианской вере, и нянька, которая сама была христианкой. Гушназдад был крещён и стал монахом. Ему также удалось убедить свою мать, чтобы она приняла крещение, оставила мир и присоединилась к общине монахинь.

Завершив своё обучение христианской религии в школе, Гушназдад избрал место, называвшееся Серда, на реке Сини (Сахи?), где и стал жить в одиночестве. Он пребывал там совсем недолго, поскольку вскоре начались гонения. Это замечание в его житии даёт нам важное указание, позволяющее восстановить хронологию его жизни: упомянутые здесь гонения — безусловно те, что начались в царствование Йездигерда II. Некий отшельник убедил Гушназдада стать проповедником — его первая миссия проходила в городе Хале и его окрестностях. Здесь Мика, епископ Лашома, рукоположил его во священники и направил с ним ещё одного человека для помощи в дальнейших трудах.

Сава оставил Хале и отправился с миссией в города и деревни разных областей. Следует отметить, что его миссионерская деятельность одновременно была пропагандой монашеской жизни — об этом говорит эпизод, случившийся с Гушназдадом в Курдистане. Отправившись в горы, чтобы предаться отшельнической жизни, Сава и его ученик были схвачены курдами. Это, однако, привело к благим последствиям — источник сообщает, что среди курдов было посеяно семя монашества, в результате чего был основан новый монастырь. Об этом вкладе Гушназдада в развитие монашества в явном виде говорится в связи с его деятельностью после возвращения из Курдистана. Говоря о его новом широкомасштабном миссионерском путешествии, источник сообщает о том, что он построил несколько монастырей в разных местах.

Наконец, Сава отстранился от всей этой деятельности и построил для себя келью неподалёку от Нахр Завара в Бет Арамаيه. Это место расположено выше Багдада, рядом с 'Укбарой — сейчас это к западу от Тигра, однако в то время это место находилось на восточном берегу Тигра (русло его имело несколько иную форму). Там он провёл остаток своей жизни — по сообщению источника, от трёх до шести месяцев — и умер в 487 году. То почитание, которым он был окружён при жизни, после его смерти было перенесено на его останки.

2. Страдания и временные неудачи

В персидской историографии, находившейся под влиянием маздеистских жрецов, Йездигерд II представлен как благочестивый и милостивый правитель. Вместе с тем, благочестивое и милостивое отношение к верхушке персидской религии означало жестокость к христианам и иудеям. Начиная со второго года правления этого царя он принимал жёсткие меры по отношению к христианам в Армении, что имело серьёзные последствия для христианской религии в этой стране, в то же время его отношение к христианам в самой Персии было достаточно сдержанным. Однако через восемь лет своего правления он решил преследовать и их. Причиной этого мог быть страх того, что христиане плохо влияют на политическую ситуацию, а также тот факт, что даже среди придворных было немало верующих христиан. При этом главной причиной гонений был, по-видимому, религиозный фанатизм царя.

Хроника Карка д Бет Селок сообщает о приказах, которые были посланы властям в провинции Арзун, Сурен и Бет Гармай, чтобы они предприняли совместные действия с целью убедить христиан отречься от своей веры и поклониться солнцу. Для выполнения этой задачи использовались пытки и меч.

До нас не дошли сами инструкции, содержащиеся в этих указах, однако их общее направление можно себе представить по аналогичным постановлениям, использовавшимся в Армении около 450 года. В них предполагаются весьма крутые меры в отношении монашеского движения. Помимо указаний о том, что следует разрушать церкви, конфисковывать церковные книги, посылая их в царскую сокровищницу, и прекращать богослужения, отдельно говорится о том, что монахов и монахинь надо заставлять вернуться к нормальной жизни. Кроме того, монахи должны платить подушный налог. Безусловно, им приходилось терпеть и многие другие неприятности вследствие намерения Йездигерда “покончить с монахами”.

К сожалению, мы можем сделать лишь очень несовершенный обзор истории страданий монашества в тот период, рассматривая страдания аскетов вместе со всеми прочими жертвами. За исключением нескольких упоминаний собственно аскетов, сообщения о том периоде остаются глухи и немы в отношении их испытаний.

В истории Карка д Бет Селок представлена общая картина того, как указания о гонениях воплощались в жизнь. В этот город пришла комиссия, которая арестовала выдающихся христиан и поместила их в тюрьмы. В провинции были отправлены войска с приказом выискивать христиан и приводить их в цепях. Эти меры, безусловно, были направлены также против монахов и против клира.

Затем были доставлены инструменты пыток, равно как и 16 слонов, которых Сассаниды использовали для массовых казней. Всё это были необходимо для ожидавшейся кровавой драмы. Сначала из числа арестованных отобрали лишь небольшое количество. В первый день казней, пришедшийся на 24 ава (августа) 446 (445) года, крестным путём пошли епископ Йоханнан с

тремя священниками и 28 мирянами. Среди тех, кто был убит во второй день, были две женщины-аскета, *bnāt qyāma*: про них сообщается, что они были распяты и побиты камнями. Скала Бет Титта (то есть “Дом смоковницы”), бывшая местом кровавого мученичества при Шапуре II, снова принимает жертв. Многочисленные группы приготовившихся к мученичеству находились в состоянии, близком к экстатическому; очень вероятно, что за этим стоит влияние аскетического движения.

В третий день пришла очередь многих людей, которых согнали в Карку из разных городов, деревень и провинций — их ожидали вновь придуманные изобретательные пытки.

Мы не знаем, насколько сильно собственно монастыри были затронуты указами, которые позволяли населению грабить христиан и привели к их массовому бегству из этой области.

Неизвестно также, насколько широкими были гонения в других местах, — источники не дают исчерпывающего списка местностей, где преследования имели место. Мы не знаем даже, были ли казни в других городах области Бет Гармай. Сообщается, что для тел мучеников было отведено специальное здание, называвшееся “домом свидетелей”. Оно, согласно источнику, располагалось в Карка Йаздин в области Бет Гармай, однако с большой вероятностью упоминаемый здесь Карка Йаздин находился области Бет Селок.

Удивительно, что Хроника Арбела вообще не упоминает о каких-либо неприятностях в этот период. Даже более того, этот источник сообщает нам о совместном обращении епископов Арбела и Карка д Бет Селок к католикосу Баваю с предложением учредить праздник в честь мучеников, пострадавших при Йездигерде. Создаётся впечатление, что в этом предложении были заинтересованы лишь христиане области Бет Гармай. Могло ли это означать, что область не была затронута новой волной преследований?

Помимо этих источников, в которых ничего не говорится о новых преследованиях, у нас есть свидетельство истории Карка д Бет Селок. В ней сообщается, что среди тех, кого арестовали и привели из Адиабены, находился сам митрополит Арбела, а также епископы Бет Нухадра и Ма‘алта; они и их спутники приняли мученическую смерть. Согласно этому источнику, епископ Марон установил ежегодное празднование памяти мучеников. С помощью католикоса Бавая (то есть после 457 года) он собрал Собор епископов Бет Гармая и Адиабены, который установил трёхдневное богослужбное воспоминание мучеников. Таким образом, в рассматриваемом документе представлена совершенно иная картина — в первую очередь оказывается, что Адиабена пострадала от гонений. Это сообщение заслуживает нашего доверия: автор говорит, что пользовался документами из митрополичьего архива, то есть приводимые им сведения основываются на фактах.

Тем не менее, сохранившиеся источники не дают достаточно сведений относительно размаха этих гонений. Их свидетельства очень скудные, так что многое остаётся неясным. Понятно только, что волна гонений была не столь

ужасной, как во времена Шапура II. Тем не менее, местные всплески гонений могли быть очень значительными, и своей мишенью они, вероятно, выбирали церкви и монастыри.

Можно предположить, что судьба многих монахов, о которых мы ничего не знаем, была похожа на судьбу известных монахов. Петион, казнённый на следующий год после событий в Карка д Бет Селок, был арестован в своей келье в полдень — как раз в тот момент, когда он совершал богослужение. Его привели к властям, и он был подвергнут пыткам в течение нескольких дней. После ряда допросов он был казнён 25 числа первого тешри (октября) 447 года. Его голову отрубили мечом и повесили на скале рядом с большой царской дорогой, которая вела из Ктесифона в восточные провинции империи; это должно было служить в качестве предостережения и угрозы для всех, кто путешествовал по этой популярной дороге. Все это происходило недалеко от города Холван в Мидии.

Мари сообщает о том, что Йездигерд II приказал закончить преследования христиан и выпустить арестованных из тюрем. По-видимому, армянское восстание 450/51 года отвлекало все силы государства, так что царю не оставалось ничего иного, как оставить христиан в покое.

3. Распространение монастырей

а. Монашество и культ мучеников

В V веке провинции Персии, пустыни, равнины и горы были усеяны не только поселениями отшельников, но и монастырями. Этому способствовало несколько факторов, и ряд из них мы изложим на последующих страницах.

Места, связанные с казнями мучеников или же содержащие их земные останки, становились объектами почитания. Земля, впитавшая в себя кровь этих свидетелей, пещеры, в которые были положены их тела для временного пристанища, могилы, где они нашли себе вечный покой, — всё это приобретало особое значение для христиан. Они верили не только в то, что неподалёку от этих мест пребывают небесные существа, а внутри них разлит божественный свет, но также в чудотворные силы, из них исходящие. Всё это способствовало прославлению таких мест и привлекало к ним верующих; ежегодно совершались празднования и устраивались ярмарки, а в течение года стекалось множество паломников. Ещё более способствовала этому церковная пропаганда, в которой местным паломническим центрам отдавалось предпочтение по сравнению с центрами в Палестине.

Итак, в местах, связанные с памятью мучеников, естественным образом стали помещать священные постройки. Во многих случаях вскоре после самих событий в них основывались монастыри. Там, где при Йездигерде II было казнено множество христиан (Бет Титта за пределами города Карка д Бет Селок), епископ Мар Марон в их память построил монастырь.

В Бет Нухадре, где был побит камнями Айталлаха, в память мученика Айталлаха также был воздвигнут монастырь.

Кроме тех мест, которые были связаны с последним страданием мучеников, монастыри располагались также там, где были погребены их земные останки. У пещеры (*gubbā*), где лежали останки Мар Бехнама и его спутников, был построен монастырь Бет Губбе.

Ещё один монастырь был основан там, где были убиты Мар Бассос и его спутники, а его руки сохранили жители местной деревни. Монастырь располагался рядом с деревней Хедил в восточной части Тур 'Абдина. Рядом с гротом Мар Лонгины был также построен монастырь. Останки Мар Адонь, митрополита Элама, который пострадал при Шапуре, были перенесены в местность Карду. Там, где они были, наконец, положены, был основан монастырь в честь Адонь.

Множество монастырей возникло при схожих обстоятельствах, однако в большинстве случаев распространение монастырей происходило несколько иным способом. В этом процессе было несколько периодов.

То, о чём сообщается в актах 'Абд ал-Масиха, должно было случаться не раз. В том месте, которое было обагрено кровью мученика и где пало его тело, местные жители построили небольшую часовню (мартирий), или *hayklā*, среди которой они поместили камень с надписью, сообщавшей, что здесь он получил свой мученический венец.

Эти маленькие *hayklā*, воздвигнутые в разных местах, нуждались в служителях и в защитниках, чтобы охранять кости и останки святых, равно как и другие реликвии. Более того, здесь искали помощи в своих невзгодах и руководства совершенно разные люди, и все они получали требуемое. Конечно, наиболее подходящими исполнителями всех этих функций оказывались монахи, и, по-видимому, такой род деятельности стал для них привычным.

В этих *hayklā* была также заключена возможность дальнейшего развития. Как только к *hayklā* добавлялось несколько келлий, это уже был зачаток монастыря. Если условия оказывались благоприятными, маленькая община начинала расти. К *hayklā* добавлялись другие необходимые постройки, и в конце концов растущая монашеская община включала в себя *hayklā* со всеми её традициями.

Хорошо известны примеры подобного распространения монастырей. Один из наиболее известных связан с историей монастыря Мар Бассоса в Тур 'Абдине. Мар Бассос, которого обратил в христианство некий монах, был убит вместе со своими спутниками на горе и впоследствии был похоронен на вершине этой горы, где в честь него был построен *hayklā*. Позже этот *hayklā* стал важным монастырём. Из истории монастыря Бет Сахде видно, что широкой известности этого монастыря предшествовал период, когда он состоял лишь из трёх келий и примыкавшего к ним мартирия.

в. Основание других монастырей

По сообщениям источников, многие монастыри возникали постепенно, причём процесс из возникновения обычно был похожим. Вначале существовал

маленький *hayklā*, построенный монахом рядом с пещерой или кельей. Постепенно этот *hayklā* становился всё более важным как место поклонения, в то время как слава о монахе привлекала других монахов, которые строили рядом свои кельи и таким образом переводили монастырь на следующую ступень развития. Такая лавра, или свободная община, росла до тех пор, пока не становилась монастырём, который включал в себя и *hayklā*, и кельи. У многих монашеских общин была именно такая история.

Помимо мест, связанных с культом мучеников, пожалуй, наиболее часто выбор падал на те места, где подвизались знаменитые аскеты и монахи. Духовные и физические труды, понесённые подвижниками в этих местах, делали их вполне подходящими для священных построек. Эти обиталища, как полагали люди благочестивые, были освящены мистическим божественным светом, который светил в них, и благоуханием, которое их окружало. Всё это считалось признаком присутствия Святого Духа, как мы знаем из древнесирийской библейской традиции.

Есть интересные свидетельства о том, что даже сами монахи направляли мысли верующих в этом направлении. Пример такого образа мыслей сохранился в истории Мар Йавнана: помещая монашескую общину в то место, где прежде молился монах-подвижник, мы должным образом продолжаем его службу Богу. В завещании Мар Йавнана об этом говорится следующим образом: “Ибо сей ночью я готов к исходу из жизни и прошу вас, чтобы в том месте, где я живу, вы построили монастырь с алтарём и апсидой, где имя Божие будет непрестанно превозноситься”.

В связи с этим становится понятно, что в местах, где подвизались знаменитые монахи, всё чаще создавались монастыри. В промежуточном периоде, предшествующем основанию монастыря, там воздвигался *hayklā* во имя усопшего подвижника, где хранились его останки. Затем один или два монаха принимали на себя обязанности по обслуживанию *hayklā*, и таким образом закладывалось основание для такого же роста монастырей, какой случался в связи с культом мучеников.

Имеются также свидетельства, что этот процесс расширения сети монастырей захватывал и другие *hayklā*, построенные для иных целей. В качестве примера можно рассмотреть первый монастырь в Карка д Бет Селок. Хроника этого города сообщает нам, что первая церковь в нём была построена неким Йавсепом и что позже она стала первым монастырём в Карка д Бет Селок, который стал известен как Монастырь дома Йавсепа. По-видимому, в какой-то момент первоначальное здание уже не могло удовлетворять нуждам растущей общины, так что ей был передан древний *hayklā* и постепенно образовался монастырь.

В некоторых обстоятельствах таким же образом могли появляться и новые постройки. В соответствии с традицией, происходящей из монастыря Селивы, прежде на его месте существовал *hayklā*, который был построен в память чудесного события, произошедшего некогда на этом месте. Затем туда

из разных мест сошлись монахи, и таким образом образовалась монашеская община. Итак, *hayklā*, построенный для других целей, был преобразован в Монастырь Селивы.

Кроме того, монастыри основывались в тех местах, которые считались связанными с библейской историей. Среди них наиболее выдающимся был монастырь Ковчега, который был воздвигнут на месте, связанном с Ноевым ковчегом. Согласно сирийской традиции, ковчег пристал к месту под названием Карду — указания на это содержатся также в Талмуде и Коране. Как сообщает легенда, было найдено место, где ковчег скрыт в толще земли, так что была откопана даже его палуба. Имеется также легенда о том, что этот монастырь был построен Иаковом, епископом Нисибинским; как бы то ни было, монастырь здесь существовал уже достаточно рано, и значение его постепенно росло. Об этом монастыре говорится в связи с католикосом Дадишо⁴ (421–456): когда ему пришлось бежать из столицы из-за интриг, он избрал этот монастырь в качестве убежища и готовился в нём к отречению. По сообщению Бакуви, этот монастырь с незапамятных времён располагался на вершине горы.

Создатели других монастырей также избирали Бет Карду для основания своих обителей.

О монастыре Мар Мики известно, что для него было избрано ещё одно библейское место: он был основан в деревне Алкош, которая связывалась с пророком Наумом.

Когда был восстановлен *hayklā* рядом со рвом Даниила в Вавилонии, рядом с ним была создана монашеская община.

Естественно, для основания монастырей избирались и важные места языческих культов — даже святилище маздеизма было преобразовано в монастырь. Монастырь Кардага, по преданию, некогда был огнепоклонническим святилищем, которое построили родители Кардага; впоследствии он превратил его в монастырь — это было нетрудно, поскольку святилище располагалось на территории, принадлежавшей ему. Есть и другие подобные примеры, сохранившиеся в традициях, восходящих к монашеским общинам.

Основание других монастырей также нередко упрощалось тем, что они создавались в уже существующих зданиях. Имеются указания на то, что для этой цели использовались вышедшие из употребления военные укрепления. В легенде о Мар Беньямине говорится о монастыре Мар Шелимуна, что первоначально он представлял собой *ḥesnā*, то есть форт, построенный римлянами. Ещё одна легенда повествует о том, что в некоей крепости был построен ещё один монастырь, который так и назывался — Монастырь крепости (*qastrā*). В том же духе передаётся и история некоего Йоханнана, который основал монастырь в Бет Завдай.

Наконец, основателей монастырей привлекали горы. Те монахи, которые доверялись не только видениям и идеалистическим взглядам на вещи, но также принимали во внимание и другие соображения, достаточно рано поняли, что

горы обеспечивают защиту и безопасность. Археологические данные позволяют понять их расчёты и меры предосторожности — лучший пример в этом отношении представляет собой основание знаменитого монастыря Мар Маттая. Он располагался в горной теснине, куда было крайне трудно добраться. Таким образом, было выбрано наиболее безопасное место, и там был устроен монастырь, который напоминал ласточкино гнездо на краю скалы. Место было с большим трудом отвоёвано у скалы, которая уступала неустанному труду многих поколений монахов, высекавших в ней свои кельи. Даже среди монастырей, построенных в горных расселинах, Мар Маттай остаётся непревзойдённым шедевром.

с. Монастыри, основанные в миссионерских областях

Следующая категория монастырей заслуживает отдельного описания, поскольку их задачи и условия их основания отличаются от того, что было показано выше. Речь идёт о монастырях, которые возникали в областях активной миссии и представляли собой удалённые аванпосты расширявшегося христианства. Многие из них канули в небытие, так что мы знаем лишь о небольшой части их. Самые важные сообщения об этих монастырях содержатся в документах, связанных с деятельностью великих монахов-миссионеров. В них приводятся сведения, которые проливают свет на возникновение и функции этих монастырей.

Как мы уже видели, великие монахи-миссионеры становились также основателями монастырей. Говоря об ‘Авдишо, мы видели, как он, совершая своё миссионерское служение в Бет Майшане, Бет Арамае и Бет Катрае, основывал монастыри, становившиеся центрами миссионерской деятельности, которые в будущем превратятся в центры окормления недавно обращённой паствы. То же самое относится и к деятельности Савы, который делал новооснованные монастыри плацдармами в евангелизации населения.

У нас есть надёжные основания для того чтобы считать, что в результате миссионерской деятельности монахов возникли многие монастыри, о которых мы как правило ничего не знаем, — лишь изредка попадаются указания, которые позволяют узнать об их создании.

Эти монастыри становились аванпостами, воздвигнутыми вдалеке от основных христианизированных областей. На западе, в Хире, один такой монастырь возникает очень рано. Здесь ‘Авдишо’, шедший из Бет Катрае, основал монастырь, ставший его миссионерским штабом. В наиболее восточных провинциях таким аванпостом стал Монастырь Давида. Он был основан в результате миссионерской деятельности, проходившей под руководством Баршаббы, вероятно неподалёку от Мерва. Этот монастырь, где Баршабба завещал себя похоронить, по-видимому, также был его миссионерским штабом.

Некоторые из этих аванпостов располагались на юго-востоке. ‘Авдишо’ воздвиг монастырь на одном из островов Джамамы и Бахрейна, желая

посвятить себя подвижничеству, и там он проповедовал местным жителям. Другой источник говорит о существовании подобного монастыря в Бет Катрае.

История отшельника Йавнана поучительна во многих отношениях. В этом документе сообщается, что его написал За‘дой, “священник, монах и настоятель монастыря Мар Фомы в Индии”. Трудно решить вопрос о местонахождении этого монастыря — точка зрения, согласно которой он в самом деле располагался в Индии, не выдерживает критики при обращении к источникам. Очевидным аргументом против этого является тот факт, что речь идёт о некоей области “к югу от Бет Катрае”, — трудно предположить, что имелись в виду Индия или Цейлон. Не сильно проясняет вопрос и указание на то, что монастырь располагался на некоем острове, называемом “черный остров”. Этот остров, очевидно, надо искать среди небольших островов к югу от Бет Катрае по направлению к Оману. Таким образом, упоминаемая в заглавии документа “Индия” вряд представляет собой что-то большее, чем арабская сторона Персидского залива.

Если составитель этого легендарного текста использовал сведения, взятые из более раннего источника, то это может свидетельствовать о роли подобных аванпостов в раннюю эпоху. В первую очередь, обращают на себя внимание сведения, касающиеся отношений между монастырём и монашескими центрами в христианизированной части страны. Рассказывается, как монахи, жившие прежде в персидской Месопотамии, в результате своих странствий находят этот монастырь. Сообщается, что один монах, пришедший сюда, жил в пустыне Пероз Шапур, другой — в Вавилонии. Это означает, что монастырь постоянно посещали монахи, приходившие из монашеских центров южной Месопотамии. Итак, мы можем понять, каким образом отшельники и кинувийные монахи, жившие в кельях и монастырях, располагавшихся в наиболее христианизированных регионах страны, появлялись в новых аванпостах христианства.

Если мы взглянем ещё дальше — в Южную Аравию и в Индию, то здесь вообще трудно найти какие-то свидетельства того, что происходило с монашеским движением. Ничего неизвестно о монастырях в Южной Аравии, в областях Наджрана и Химьяра. Сохранившиеся обрывочные сведения, к сожалению, дают очень мало. Поскольку известно, что христианство в Химьяре возникло в первые десятилетия V века и было принесено сюда из Хиры, можно предположить, что вместе с христианской верой сюда пришли и монастыри.

Трудно сказать что-либо определённое относительно того, были ли какие-то индийские монастыри основаны монахами из Персии. Конечно, есть сведения о существовании монастыря Мар Фомы, который расположен на Коромандельском побережье в Индии, однако у нас нет способа определить его возраст. Можно предположить, что Григорий Турский, говоря о монастыре Фомы в Индии, имеет в виду именно этот монастырь, — тогда он, в самом деле, существовал уже в V веке. Такое предположение, однако, опирается на

недоказанные факты, и это, несмотря на всё наше желание, не позволяет нам доказать, что Индия входила в орбиту персидских основателей монастырей.

4. Монашество демонстрирует свою духовную мощь

а. В миссионерской деятельности

В V веке у монашеского движения появляются новые черты, связанные не только с численным ростом, но и с развитием духовной культуры. Монашество переходило от первоначального периода к времени зрелости — ниже мы приведём свидетельства этого изменения.

Первым признаком перемен был постоянный рост миссионерской активности. Мы обнаруживаем, что монахи-отшельники всё больше связаны с миссионерством — по-видимому, это стало результатом духовной подготовки предыдущих десятилетий.

Имена и труды бесчисленного числа монахов преданы забвению — у нас есть сведения лишь о некоторых наиболее выдающихся фигурах. Они показывают, как эти столпы монашества влияли на всё монашеское движение, в котором выкристаллизовывались новые направления деятельности.

В горной области между долиной Тигра и Мидией монах Петион проповедовал в языческих городах и деревнях, сочетая своё аскетическое делание с миссионерским рвением. Он заложил основы для миссионерской работы в провинции Белашфар. Затем он постепенно расширил поле своей деятельности, присоединив Бет Дарайе и Бет Кушайе (обе области находились в Вавилонии), а также Майшан, в котором христианская миссия не раз терпела неудачу. Мы видим, как он проповедует в течение лета в этих суровых областях между долиной Тигра и Мидией. Зимой же он трудился в южных регионах, простиравшихся до Марганкадака, входившего в область Суз. О результате его трудов в его актах говорится следующее: “И многие люди были привлечены к Христову Евангелию, так что он построил там четыре большие церкви”. Когда были заложены основания христианской общины, он оставил эти области и направился в Масабдан. Сообщается, что он шёл по второстепенной дороге, что позволило ему много проповедовать в деревнях, которые он проходил. Масабдан находился в области, примыкающей к реке Гагнир в районе Суз.

Пребыв какое-то время в келье рядом с деревней Давин, этот миссионер-монах, следуя внутреннему зову, отправился по городам Бет Мадайе (Мидии). Его проповедь была успешной; сообщается также, что он имел обычай ежегодно посещать те места, которые он обратил к вере, наставляя и катехизируя народ.

Для подобных монахов встречаемые трудности обычно лишь усиливали их решимость. Сохранился рассказ об этом в истории Мар Савы. Когда начались гонения, некий отшельник по имени Келилишо‘ пришёл к Мар Саве и сказал ему, что теперь не время пребывать в покое и одиночестве: “Брат наш, почему мы пребываем здесь в мире и одиночестве, когда на долю Церкви Христовой выпали тяжёлые преследования? Восстань и проповедай имя

Господа нашего Иисуса Христа, чтобы укрепить словом верующих братьев!” После этого Мар Сава взял крест и Евангелие и начал новый период своей деятельности.

Труды Мар Савы представляют собой хороший пример миссионерского рвения монашества. Сначала Мар Сава пришёл в город Хале и стал проповедовать в нём и его окрестностях. Здесь он впервые прославился как разрушитель языческих святилищ. Его деятельность имела такой успех, что в качестве награды он принял священный сан от Мики, епископа Лашома. Один из помощников епископа присоединился к Мар Саве в его трудах. Когда же была построена церковь и для общины был поставлен священник, Мар Сава ночью трижды обошёл город Хале, благословляя его крестным знаменем. “А они написали на дощечке, помещённой над воротами города: Господь наш да пребудет с тобой до скончания века. Аминь”. По-видимому, это было завершающим актом в замене языческих символов на христианские.

После того как Мар Сава оставил это место, он проходил многие города и деревни в различных странах. Сообщается, что в сопровождении своего ученика он проповедовал даже среди курдов, хотя общий план его путешествия неизвестен. Сам этот эпизод настолько напичкан цветистыми легендами, что непонятно, содержит ли он хоть какую-то часть правдивых сведений. Даже сообщение о том, что он оставил священника, дабы тот продолжал его работу, нельзя считать полностью достоверным. О дальнейшем же его служении в его житии сказано следующее: “Они сошли с горы и путешествовали в разных местностях, городах и деревнях, исцеляя больных и давая помощь душам тех, кто был осквернён грехом. Они разрушали святилища идолопоклонников, строили церкви и воздвигали монастыри. Они сеяли правду веры, как усердный пахарь и как мудрый строитель, пока не прибыли в Нахарзоз”.

Территориальное расширение христианства стало результатом всё усиливавшегося миссионерского духа монашеского движения. Это расширение преодолело даже восточную и южную границы империи. Вдобавок к областям, прилегавшим к Красному морю, и к северным регионам, монашество укрепило индийское христианство, которое там зародилось в предыдущую эпоху. Тесный контакт между индийским христианством и сирийской Церковью в Персии был вызван в первую очередь миссионерским рвением монахов. Благодаря этому христианство в Индии получило новые импульсы для развития и роста, а путь из Персии в Индию был усеян монастырями, которые создавали инфраструктуру, необходимую для дальнейших связей. Благодаря этим монастырям стала возможной работа множества миссионеров, которые поддерживали христианство в Индии своей жизнью и записанными творениями.

Картина, нарисованная на нескольких предыдущих страницах, нуждается в некоторых уточнениях. Помимо миссионерского рвения были и другие черты, чрезвычайно важные для феномена монашества в тот период, — речь идёт о харизматичности монахов и о чудотворениях.

В источниках мы обнаруживаем причудливое нагромождение различных элементов, касающихся миссионерской деятельности монахов. Мар Петион во время своих странствий стяжал славу чудотворца и борца с демонами, возвещавшего “славу Иисуса Целителя”, которая исцеляет всякого. Похожи на это и рассказы о Мар Саве. Когда он со своим учеником Бешаригом пришёл в город Думу, один из местных сановников поинтересовался, кто они такие, и тут же услышал в ответ: “Мы врачи”. В сходных терминах говорится и о “совершенном монахе, отце Машихарахме”, которого Хроника Арбела называет целителем.

Помимо харизматических даров в источниках говорится и о других способах совершения экзорцизмов. Особенно важную роль здесь играли мощи. Уже в мученических актах обращает на себя внимание та готовность, с которой аскеты уносили тела и части тел мучеников. Такое отношение к мощам присутствует уже в наиболее древних доступных нам мученических актах. Использование мощей для подобных целей стало настолько повсеместным, что предпринимались попытки ограничить их использование церквями и монастырями.

Существовали также неподобающие способы совершения экзорцизмов, однако в канонах о них ничего не говорится. Вместе с тем, ситуация здесь вряд ли сильно отличалась от того, что происходило в монастырях Армении. Одно из решений Собора в Шахапиване касалось магических действий, которые использовались столь широко, что сделали необходимым принятие запретительных мер, причём среди виновных каноны говорят и о монахах.

В сложившихся обстоятельствах миссионерская деятельность харизматичного аскета-чудотворца была тесно связана с самой личностью проповедника. По-видимому, монахи-миссионеры осознавали значимость своей деятельности и принимали меры для того, чтобы обеспечить её будущее влияние. Можно привести пример из жития Мар Савы. Когда он почувствовал, что приближается его исход из этого мира, он сказал своему ученику: “Давай выкопаем колодец, который будет исцелять тех, кто омоется его водами”. Они выкопали колодец глубиной около трёх мер (*qawmīn*), и из него вышло много воды. Мар Сава благословил воды и поместил в них свой жезл, который он держал в руке, говоря: “Всякий, кто омоется в сих водах, да будет исцелён от всякой своей болезни”. Таким образом Мар Сава оставил после себя свой дар, сохранив духовную связь с теми, кого он просветил во время своих миссионерских трудов. Сообщается, что образ этого чудотворца пребывал в тени его колодца в течение многих поколений.

в. В учительной деятельности

Ещё один важный признак растущей духовной силы монашества — его участие в учительной деятельности. В рассматриваемый период имена монахов чрезвычайно часто зафиксированы в источниках. Подобно тому как Мар Петион под руководством Мар Йаздина выучил Псалмы и книгу Премудрости

из Писания, так и другие обращённые направляли свои стопы к монахам, для того чтобы получить от них первые наставления в изучении священных книг. Этот род деятельности всё чаще становился прерогативой учителей в монашеском одеянии. Бесчисленные монахи нашли своё призвание в учительстве. Среди самых известных — Нарсай и Акснай, которые были учителями с самого начала своей монашеской деятельности.

Монастыри стали наиболее подходящим местом для тех, кто готовил своё сердце для христианской жизни и должен был не только отказаться от религии предков, но и покинуть дом и семью. В этих условиях монастыри играли роль убежища, где человек мог получить помощь и понимание у тех, кто сам прошёл тем же путём. Как сообщается в житии Йаздина, когда он убедился в том, что никто в округе не осмеливается преподать ему крещение, он оставил свой дом и убежал в другую провинцию. Придя в Бет Гармай, он отправился в некий монастырь, где был наставлен и получил крещение. Сообщается также, что здесь его научили псалмам и чтению Писаний, а также приобщили к аскетической жизни.

Подобно Йаздину многие неофиты нашли в монастырях, ставших для них временным пристанищем, возможность получить наставление. О подобной роли монастырей говорится также в истории Кардага — описывается монастырь, в котором новообращённый и его спутники получают наставления и затем принимают крещение. Все эти примеры описывают то, что со временем стало обычной и весьма важной функцией монастырей.

Мы ещё, однако, не всё рассказали об учительной деятельности монашества — несколько слов следует сказать о системе организованного обучения, которая быстро становилась обязательной составной частью монашеской жизни и которой предстояло великое будущее. Даже для рассматриваемого периода известно немало о связи монашества и школ.

Основание важной школы уже упоминавшимся Мар 'Авдой оказалось весьма важным событием для направления будущего развития монашества. Есть указания на то, что Мар 'Авда побуждал своих учеников участвовать в преподавании. От наших глаз скрыто, насколько быстро и широко зароненное Мар 'Авдой и его кругом семя укоренилось и стало разрастаться, однако в любом случае свидетельством жизненной силы нового установления был тот факт, что новооснованная школа смогла пережить злоклучения и продолжала функционировать и дальше. Разрушить её смогли только суровые внешние обстоятельства, связанные действиями царя Пероза. Таким образом, первоначальный толчок, данный Мар 'Авдой, стал приносить плоды. Мы обнаруживаем, что возникает всё больше школ, связанных с монашеской жизнью и её идеалами. Эти школы становятся центрами изучения Библии, которые, в свою очередь, поддерживали монашеское движение. В житии Мар Савы сообщается, что после того как он вступил в монастырь и отправил свою мать и няньку в женский монастырь, он в течение двух лет посещал монастырскую школу, что позволило ему стать более зрелым подвижником.

Школа, располагавшаяся в деревне 'Айн Дулба, в которую Нарсай поступил ещё мальчиком и в которой обучался в течение девяти лет, снабдила его знанием Священного Писания и сделала опытным в науке подвижничества.

Несомненно, монашеские общины могли обеспечить подобным школам всё необходимое как в смысле материальных нужд, так и для удовлетворения духовных запросов. Для исполнения таких задач избирались лучшие из монахов. Когда Мар Нарсай в самом начале своего монашеского пути находился в монастыре Кфар Мари, настоятель поручил ему заниматься наставлениями: “Он (настоятель) доказал ему, что он лучше понимает в обучении, чем иные учителя и братья, которые там находились; он и вся монашеская община просили (Нарсая) читать им рукописи”.

Имеется даже намёк на то, что эти школы привлекали внимание жителей Индии, которые прибывали, чтобы учиться в них. Драгоценный колофон в комментарии на Послание к Римлянам, составленном Ишо'дадом, сообщает нам о таком человеке. Это был священник Даниил из Индии, который помогал Мар Комаю в его переводческой деятельности.

Были и другие обстоятельства, которые подготавливали почву для наставнической деятельности. Случайное замечание, оброненное в связи со школой Мар 'Авды, указывает на тот факт, что монашество уже на раннем этапе подверглось влиянию Эдесской школы. Об этой связи можно узнать больше в связи с деятельностью Нарсая, Барсаумы и Ма'ны, который покинул Персию, чтобы пройти обучение в Эдесской школе. Некоторые из пришедших туда в тот период упрочили славу этого учебного заведения. Мар Нарсай был избран руководителем Эдесской школы и управлял ей в течение двадцати лет. Он происходил из деревни 'Айн Дулба в местности Ма'алта и впоследствии был монахом монастыря Кфар Мари в Бет Завдай. Нарсай был строгим аскетом, единственным имуществом которого были его книги.

Сохранились лишь обрывочные свидетельства о влиянии этой образовательной деятельности в самой Персии. Вместе с тем, эти свидетельства обладают определённой ценностью, поскольку они показывают, каким образом связь Эдесской школы и её воспитанников из Персии позволила наладить обучение в монастырях.

Шем'он из Бет Аршама описывает возвращение Барсаумы и других как результат закрытия Эдесской школы в 457 году, однако эта картина неверна. На самом деле Барсаума вернулся много раньше, поскольку известно, что он уже в 435 году стал епископом. Вместе с тем, многие другие монахи, имена которых были утрачены на фоне знаменитостей, связанных с Эдесской школой, должны были вернуться в Персию, причём не с пустыми руками. Сохранившиеся сведения о некоторых из них подтверждают это предположение. Про Мар 'Амману'эля, бывшего дядей Нарсая, сообщается, что он был настоятелем монастыря в Кфар Мари в Бет Завдай. Он прошёл курс обучения в Эдесской школе и вернулся обратно в свой монастырь. Меры, предпринятые им после

возвращения, дают увидеть плоды его обучения: “При нём монастырь пополнился многими братьями, и он основал в нём школу”.

Некоторые выводы можно сделать и на основании жития самого Нарсая. В молодости, находясь в монастыре Кфар Мари, он услышал о деятельности Эдесской школы. Это настолько привлекало его, что он оставил монастырь Кфар Мари, чтобы начать обучение в Эдессе. Нарсай провёл там десять лет, после чего вернулся по просьбе своего настоятеля, чтобы начать преподавание в монастырской школе. О том, как его возвращение повлияло на монастырь, говорится следующее: “И когда он согласился, в короткое время к нему собралось около 300 братьев”.

Долгое пребывание Нарсая в Эдессе дважды прерывалось периодами преподавания в монастырской школе. Первый из них, о котором сказано выше, начался после того, как он пробыл в Эдессе десять лет. Второй — когда настоятель монастыря Кфар Мари, чувствуя, что его жизнь подходит к концу, призвал его к себе. Это второе возвращение случилось после ещё десяти лет пребывания в Эдессе. После возвращения Нарсая умирающий настоятель поручил ему монастырскую общину. Это новое послушание длилось не более одного года, поскольку голос сердца звал Нарсая в Эдессу, бывшую центром учёности. Он передал своё преподавание в монастыре Кфар Мари одному из братьев по имени Гавриил и отправился обратно в Эдессу.

Некоторые выводы можно сделать относительно монастырских школ в тот период. Персидская школа в Эдессе была закрыта, однако это, по-видимому, стало тем последним благословением, которое она могла дать. Хроника Арбела, рассказывая о важных событиях, случившихся при епископе ‘Аббуште, сообщает о том влиянии, которое оказало изгнание учителей и учеников из Эдесской школы: вернувшись на родину, они основали там множество новых школ.

Наиболее ценные сведения об этом периоде мы получаем из сообщений Бархадбшаббы. Он подробно говорит о возникновении в Нисибине школы, которая стала самым значительным местом учёности. Когда после разорения Эдесской школы Нарсай покинул Эдессу, он планировал отправиться во внутренние области Персии. По пути он остановился в Нисибине в Монастыре персов — там Барсаума устроил ему великолепный приём и изложил ему свой план основать в Нисибине школу. Барсаума обещал Нарсаю любую помощь, необходимую для реализации этого замысла. Удалось достать всё необходимое, и Мар Нарсай стал первым руководителем новой школы. О её основании Бархадбшабба говорит следующее: “За короткий срок количество учеников заметно выросло; к нему пришли не только персидские и сирийские братья, но также большая часть общины Эдесской школы”. В своей “Церковной истории” Бархадбшабба подробнее говорит о месте, на котором была основана новая школа, и о братьях, которые в неё вошли. Он сообщает, что школа находилась в опытных руках Нарсая в течение 40 лет; его слава переводчика и писателя делала его школу всё более знаменитой.

В источниках об этом важнейшем событии говорится гораздо больше, чем о всех прочих возможных последствиях закрытия Эдесской школы. Бархадбшабба объясняет это двумя способами. Во-первых, он говорит, что последствия рассеяния учителей и учеников Эдесской школы можно сравнить с последствиями рассеяния апостолов, которое совершилось после начала гонений в Иерусалиме. Оба эти рассеяния привели к широкому распространению учителей. Во-вторых, он говорит о прошедших событиях следующее: “По этой причине собрания (школы) также умножились в стране персов”.

Итак, перед нами наиболее важное свидетельство о развивавшейся в ту эпоху учительной деятельности монашества. Рассматривая это свидетельство, мы можем прийти к следующему выводу: развитие этой учительной деятельности говорит о переходе монашества из первоначального периода своего существования на следующую ступень.

Таким образом, мы коснулись основных вопросов, касающихся вклада монашеского движения в церковную образовательную деятельность. Вместе с тем, мы обсудили ещё не все факты, относящиеся к этому вопросу, — в первую очередь, мы не оценили, каким по объёму был вклад монашества в эту деятельность.

Остаются и другие актуальные вопросы, связанные с не рассматривавшимися до настоящего времени свидетельствами источников. В них обнаруживаются всё новые и новые данные, которые ещё не были затронуты нашим исследованием. В важных городах возникают школы различных видов. Например, в Нисибине существовала школа ещё до того как туда пришёл Нарсай и основал свою школу. В Карка д Бет Селок, как сообщается, было несколько школ. Точно так же существовали школы и в других важных городах и даже не только в них: мы узнаём, что школы были в селениях гораздо меньшего размера. О школе в деревне ‘Айн Дулба рассказывается в связи с историей знаменитого выходца из этой деревни — Нарсая. Понятно, что мы узнаём о таких школах в свете истории лишь в порядке исключения, о многих других неизвестно практически ничего — ни о том, какими они были, ни о времени их основания, ни о тех, кто в них трудился. В этом отношении мы вынуждены блуждать во тьме.

Тем не менее, по крайней мере в одном наши источники оказываются достаточно информативными. Речь идёт о ряде текстов, которые проливают свет на новое явление в истории развития школьного движения в сирийских общинах, которое по крайней мере отчасти связано с монашеством. Мы становимся свидетелями роста интереса в Церкви к обучению — сведения об этом происходят в основном из широкого потока биографической литературы.

К сожалению, мы ничего не знаем о возникновении самой должности наставника в Церкви — она окутана тьмой, более глубокой, чем наш мысленный взгляд может проникнуть. Доступные данные в этом отношении очень неопределённые: эта должность просто появляется перед нами в

последней четверти V века. Насколько мы понимаем, она появляется обычно в центре епархии, однако не исключено, что перед нами неполная картина, так что наставники могли находиться и в менее значительных местах.

Поскольку в более ранних источниках присутствуют лишь очень краткие замечания и случайные намёки по интересующему нас вопросу, у нас не остаётся иного выхода, как для большей ясности обратиться к тем эпизодам, которые, хотя и принадлежат к позднему периоду, однако являются более информативными и потому могут много дать для понимания самой природы учительства. Лучшими сведениями мы обязаны работе Мешихазека. В связи с событиями, связанными с деятельностью епископа Хнаны в Адиабене, этот документ рассказывает также о тех мерах, которые он принял для поддержки образования. Хнана безусловно консультировался с одним из своих учителей по имени Авраам, который находился в Нисибинской школе. Здесь мы дошли до того места в источнике, которое непосредственно касается рассматриваемого вопроса: “Мар Авраам, переводчик, дал Мар Хнана Павла в качестве учителя (в объяснении Библии), чтобы он мог основать школу для детей в стране Адиабены, чтобы он насаждал веру в их ум и защищал их от нападения еретиков и мессалиан. Этот Павел оставался с нами более 30 лет, исполняя своё служение, которое было ему поручено главами Церкви, во всяком смирении и страхе Божиим”.

Всё это очень важно для рассматриваемого вопроса, поскольку мы узнаём нечто новое о деятельности руководителя школы. В его обязанности входило наблюдение за школой для детей и (по крайней мере, текст оставляет впечатление, что это так) руководство обучением взрослых. Поскольку речь идёт о противодействии еретическим влияниям, скорее всего имелось в виду наставление взрослых в правой вере.

Описанный эпизод имел место в начале VI века, но сама школа, по-видимому, возникла много раньше — в пользу этого есть обрывочные свидетельства в источниках. Самое ценное из них содержится в истории Мар Акака, где говорится, что он был руководителем школы до того, как был посвящён в католикоса. Это означает, что Акак исполнял свои обязанности руководителя школы до 483/4 года. Мы знаем, что он учился в Эдессе и, вернувшись на родину, обосновался в Селевкии. Там он преподавал всё то время, что католикосом был Бавай, интерес которого к монашеству известен из традиции. Все эти сведения, почерпнутые из трудов Мари и ‘Амра, восходят более раннему источнику, зафиксированному в Хронике Сеерта.

Итак, мы знаем о существовании школ в разных местах — в Адиабене, в Селевкии и в Арзуне — и, таким образом, создаётся впечатление, что основание школ не было случайным процессом.

При этом возникает вопрос — было ли подобное распространение школ хотя бы отчасти следствием процессов, происходивших внутри монашеского движения?

Прежде чем мы сможем сделать те или иные выводы по этому вопросу, следует учесть ряд вещей. Очевидно, что подобное влияние не могло не иметь некоторых осязаемых последствий. С одной стороны, выученики монашеских школ могли становиться епископами и, в свою очередь, заботиться о распространении образования. С другой стороны, сами по себе представители монашества всё чаще удостаивались епископского достоинства и, таким образом, могли вносить свой вклад в рост интереса к образованию.

Есть, однако, и другие причины, по которым важно обсуждение этого вопроса. Нам кажется, что мы можем сказать и ещё кое-что существенное о вкладе монашеского движения в церковное образование. Чтение источников создаёт впечатление, что существовало великое множество монахов, для которых школы и образование представляли большую ценность и которые всегда были готовы послужить Церкви. Таким образом, то, о чём говорится в житии Мар Авы, представляет собой иллюстрацию многих подобных историй, которые не сохранились из-за меньшей известности их участников по сравнению с самим Мар Авой.

О нём сообщается, что после того как он сподобился крещения, он решил уйти в пустыню и стать монахом. Желая расширить свои познания, он вступил в Нисибинскую школу. В этом месте для него открылись новые возможности, которых он не искал. Ма'на, епископ Арзуна, заняв свою кафедру, назначил Аву инспектором над всей своей епархией. В тексте об этом говорится так: «Когда Мар Ма'на был сделан епископом, он (Ава) присоединился к нему, чтобы отправиться с ним (в его епархию), где ему было поручено надзирать над образованием в области Арзун». Также из этого источника мы узнаём об обязанностях Мар Авы. Он отвечал за преподавание для детей, причём говорится, что он занимался постройкой школ. Но кроме этого в круг его обязанностей входило наставление взрослых; здесь мы опять видим, что наставническая деятельность в значительной степени определялась проблемой церковных диссидентов.